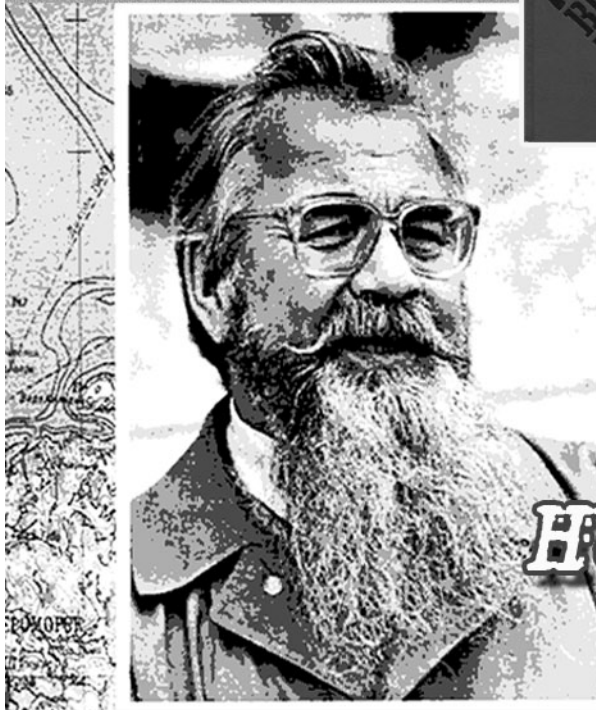

Дмитрий КОРЖОВ

г. Мурманск

**Несмиранный
живописец**

**Мурманский писатель
Дмитрий Коржов завершил
работу над книгой,
посвященной жизни и творчеству
Виталия Маслова (1935–2001) –
известного писателя,
общественного деятеля,
чей первый роман «Круговая порука»
и другие произведения публиковались
в журнале «Север».
Публикуем две главы
из готовящейся к выходу книги
Дмитрия Коржова.**

ОЩУЩЕНИЕ ВЕЧНОСТИ

1. Драка за «Крутую Дресву»

Главной темой для Виталия Маслова навсегда стал Русский Север: грозный и величественный, суровый, порой – страшный, жестокий, но всегда любимый. Родные – земля и море, умирающие поморские деревни, неведомая, чуждая чумной и далекой Москве, поморская планета Крутая Дресва (за которой, конечно, и зримо, незримо, как ее ни назови, но неизбежно мерещится Семжа), которой Виталий Маслов отдал все силы, всего себя. Без остатка. Пожалуй, лучшее, детальное и при этом безоглядно поэтическое описание Семжи-Крутой Дресвы – в повести «Из рук в руки»:

«Если тебе повезет, если ждешь ты у флагбуя вечером, увидишь далеко впереди, в глубине необозримо широкого залива, на левом, если с моря глядеть, берегу, – деревня горит на обрыве окнами золотыми. Окна золотые – обрыв розовый. По заливу, скрытые на полной воде, многомильные песчаные отмели просторно раскинулись, под-

вижные, ползучие, в мае – здесь, в сентябре – там, может, за это их и зовут мезенцы кошками. И берега тут тоже – на сотни миль – песчаные. А вот деревня почему-то Крутая Дресва, то бишь Гранит...

Рядом с деревней, по ту сторону и по другую, в песчаном обрыве розовом, – как бы провалы зеленые: справа, по карте, – Церковный ручей, слева – пойма реки Дресвянки. От Церковного ручья к Дресвянке берег понижается немного и некруто, и деревня, как бы любящая собою, показывает морю все свои пять улиц сразу: задние порядки выглядывают поверх передних, и кажется, будто дома задние на цыпочки привстали, – только бы увидеть горящими своими окнами: а кто же это там с флагбуя в бинокль столь пристально и долго в крутодресвянскую сторону смотрит?..

– Как она – на обрыве своем!.. Отсечена с двух сторон, будто на постамент поставлена... – промолвил капитан сейнера, отдавшего у флагбуя якорь... – Ни убавить ни прибавить. Ощущение вечности».

Но «Из рук в руки», другие повести и даже романы будут чуть позже. А начиналось все, как вы уже поняли, с рассказов. И – с драки. Драки за «Крутую Дресву» – первую масловскую книгу, которая книгой так и не стала. И тут мы никак не обойдемся без еще одного прекрасного писателя – Виктора Конецкого.

Они были очень разные – Виктор Конецкий и Виталий Маслов. Первый – отчетливый питерский интеллигент, демократ, самый известный русский маринист второй половины минувшего века, автор блистательной, полной иронии и тонких и точных наблюдений за человеком в разных ситуациях (порой чрезвычайно трудных, сложнейших психологически) прозы. Второй – коренной северянин, традиционалист, автор пронзительнейших книг о родной поморской деревне – море там, понятное дело, есть, но главная – земля, неулыбчивая, но любимая.

Что их связывало? Все-таки море, конечно. Оба ведь – моряки, преданные, влюбленные в море люди. И – Мурманск. Для Виктора Конецкого это был город, в котором для него многое начина-

лось, в том числе и его морская судьба – сразу после училища, в пятидесятые, он служил здесь на вспомогательных судах Северного флота. Именно впечатления тех лет и стали основанием «Пути к причалу» – и рассказа, и фильма, в центре которого – Мурманск.

Да и позже – на протяжении всей жизни – арктические странствия неизменно, многократно приводили Конецкого в столицу Кольского Заполярья. Ко всему прочему, здесь ведь жили друзья. Любопытно, что Виктор Викторович до конца жизни дружил, переписывался, встречался с людьми, наделенными едва ли не проти-

воположным взглядом на мир и писательское ремесло которых принято считать двумя полюсами мурманской литературы – Борисом Блиновым и Виталием Масловым. Так уж сложилось...

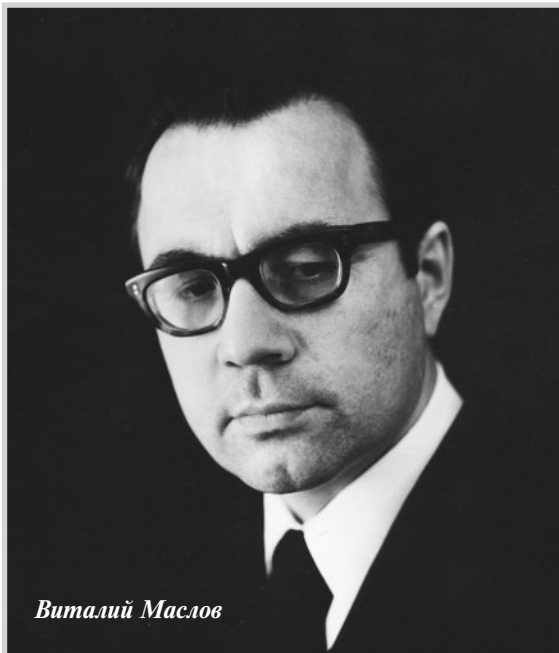
Для Виталия Маслова, как мы уже убедились и еще убедимся, Мурманск – это, наверное, главный город мира. Здесь он прожил большую часть жизни. Здесь благодаря его стараниям был возрожден праздник Славянской письменности, а позже установлен памятник ее создателям – Святым Кириллу и Мефодию.

Что же до книг, то с ними в Мурманске Маслову

не везло, особенно – в самом начале, до широкой известности. Смешно, но иногда казалось, что в Москве ему легче было напечататься, чем в родном издательстве. За первую его книгу случилось настоящее сражение, в котором непосредственное участие принял Виктор Конецкий.

...Синяя тетрадь в самодельном, не типографском переплете. Пожелтевшие от времени страницы с печатным текстом и множеством правок и корректорских знаков на полях – то ручкой, то карандашом. И – рисунки, которые открывают и книгу, и каждый вошедший в нее рассказ. Рисунки особенные – по-северному сдержанные, все эмоции и страсти внутри, скрыты от глаз, строги, суровы. Как и книга, частью которой они должны были стать, – «Крутая Дресва» Виталия Маслова.

Должны, но не стали. Та переплетенная тетрадь – всего лишь верстка. То есть оттиск со сверстанного

Виталий Маслов

набора, своего рода черновик книги для корректоров и редакторов. Верстку используют в ходе предпечатной подготовки, чтобы устранить ошибки и неточности, выверить иллюстрации, правильно выстроить произведения с точки зрения композиции, в общем, сделать из рукописи настоящую книгу.

Верстка, не ставшая книгой

«Крутую Дресву» Виталия Маслова приняло в работу Мурманское книжное издательство в 1973 году. Этот сборник рассказов (первоначально он назывался иначе – «На Севере»), написанных на рубеже шестидесятых-семидесятых годов, должен был стать первой книгой нашего земляка. Помор, опытный моряк, сорокалетний радист первого в мире атомного ледокола «Ленин», как писатель Маслов в ту пору был известен лишь немногим специалистам да коллегам-литераторам. Ситуация, когда все – впереди: почти тридцать лет жизни, пять романов о судьбе архангельского Поморья, создание в области писательской организации, первый праздник Славянской письменности (именно Маслов стал одним из его организаторов в Мурманске в 1986 году), Дом памяти в родной деревне Семжа, установка в столице Заполярья памятника Кириллу и Мефодию, Славянский ход Мурман – Черногория, череда премий разного уровня, организация традиционного областного конкурса сочинений школьников «Храмы России», многое другое, о чем мы еще обязательно поговорим.

Так вот. К началу семидесятых ничего этого еще не было. Но рассказы были, и прекрасные, надо признать, рассказы. Своя, незаемная, главная тема всего масловского творчества в них уже обозначилась объемно и остро. Очень точно определил именитый его земляк, прозаик Владимир Личутин: «Писатель Виталий Маслов рожден обостренной тоскою по исчезнувшей деревне Семже, его малой родине... Печаль не столько оттого, что деревенька канула, рассыпалась, но более оттого, что ее насильно умерщвили, растащили, принудили умереть...»

Внутренние рецензии на рукопись, необходимые для запуска издательского механизма, получены мгновенно. Да какие! Прозаиков Виктора Конецкого и Семена Шуртакова, консультанта правления Союза писателей РСФСР В. Поповой. Все не просто со знаком «плюс», иные и с тремя, не меньше.

И здесь особняком стоит рецензия Виктора Конецкого.

«Вероятно, сегодня издательство наше отправит Вам рукопись сборника, о котором говорили...» –

вот так, очень осторожно, уважительно писал Конецкому Маслов в начале декабря 1973 года.

В том, насколько быстро откликнулся на рукопись в те времена уже очень известный, популярный прозаик, угадывается уважение и любовь к автору «Восьминки» и «Зырянной бумаги», хотя тогда они и не были еще близкими друзьями, даже на «ты» не перешли. В начале января 74-го рецензия уже была в распоряжении издательства. На несколько страниц, подробная, она вместила и тщательный анализ содержания, и конкретные замечания, и рекомендации по тексту, и композиции. В общем-то, получилась не внутренняя рецензия, но краткий очерк творчества, часть его позже станет рекомендацией в Союз писателей, которую Маслову дал Конецкий.

«Сегодня А. Б. Тимофеев позвонил, и я после работы забрал рукопись, прочитал рецензию, – так 24 января того же года писал Конецкому автор «Крутой Дресвы». – И не мечтал о такой. Понимаю, что это – аванс, буду отрабатывать, сумею бы только. Спасибо. ...Не проходите стороной Мурманск, у нас хорошо. Рад буду у себя видеть, убежище надежное».

По тексту рецензии видно, что знаменитый писатель понимает: книга, о которой он пишет, может стать проблемой – и для автора, и для издательства. Осознает, что путь ее к читателю, скорее всего, окажется очень непростым. Об этом он прямо предупреждает в письме от 3 января 1974 года главного редактора Мурманского областного книжного издательства Александра Борисовича Тимофеева: «В. Маслов обещает быть большим русским писателем. Я рад был написать рецензию на его сборник. Вам предстоит хорошая драка за книгу. И ее надо выиграть. Пусть помогает Вам сознание того, что дело касается всей литературы России».

17 мая того же года издательство подписало акт одобрения рукописи, в августе книгу запустили в работу. Но выпуск задержали, потребовав от автора определенных доработок. В первую очередь они касались рассказа «Свадьба».

Простая история: жители умершей деревни собираются в родной Крутой Дресве на свадьбу одного из них – и решают возродить Дресву. Тут же присутствует Мария Павловская – человек, участвовавший в уничтожении этого места. Участвовавшая не со зла. Потому что считала: так надо. Момент прозрения, когда Павловская понимает, что слишком многое в жизни делала не так, как следовало, приводит к трагической развязке – главная героиня сводит счеты с жизнью. «Зачем я жила?! – задается она вопросом в предсмертном послании односельчанам. – Всю

жизнь ломала деревню старую, думала, что строю Крутую Дресву новую, и вот нету ее, родной, ни старой, ни новой».

Кстати, Виктор Конецкий, также указавший на ряд слабых мест рукописи, историю Павловской выделял особо: «Поморский Север России говорил о себе фольклором. Сегодня фольклор читают только ученые.

Крутая Дресва должна была обрести свой современный голос, рассказать широкой России свою судьбу за последние десятилетия, отчитаться в бедах и свершениях не газетными строками о внешних событиях, а рассказать широкой России о жизни своего духа, своей совести, своего сердца. Именно эти ценности сохраняла Крутая Дресва на дальней окраине огромной страны среди крутых штормов нашей истории. Конечно, Дресва давала стране и рыбу, и молоко, и солдат, и матросов, и капитанов все эти десятилетия. Но не в том ее подвиг. Подвиг в верности поморов идее добра, правды, человечности, высокому советскому патриотизму...

...Социальные, экономические, политические, научно-технические, атомные и ракетные – все проблемы общества должны пройти сквозь сердце и разум каждого Федьки или Артюги.

Исследование процесса этого «прохождения» и есть самая сложная, мучительно-трудная, тягостно-опасная работа художника-литератора, литератора-коммуниста, патриота своей деревни и гражданина своей страны.

Предсмертные листки Марии Павловской не должны быть унесены сквозняком в сугробы. Они должны быть прочитаны гражданами страны. Тогда гибель Марии Павловской из акта слабости превратится в памятник ее совести, тогда тысячи других Павловских войдут в хоровод других Крутых Дресв.

...Виталий Маслов пишет исповедальную прозу. Так я называю прозу, которая не является иллюстрацией уже выношенной, добытой автором мысли или положения. В. Маслов размышляет, мучается своими размышлениями, наблюдает, запутывается в сложнейших противоречиях, выбирается из них вместе и наравне со своими героями-односельчанами... Он их не учит. Он перед ними не заискивает, но он их не боится судить, если уверен в своей точке зрения.

Публикация книги В. Маслова необходима для всей нашей литературы и неизбежна...»

Именно смерть Марии Павловской и ее письмо, написанное незадолго до гибели, безусловно, ключевой фрагмент «Свадьбы», то, что отмечал как достижение автора и Виктор Конецкий, писателя принуждали из рассказа изъять. Именно из-за «Свадьбы» «Крутая Дресва» так и не стала книгой.

Видимо, не по вине издательства. Правка Александра Тимофеева в сборнике (а ее легко можно проследить по верстке) минимальная, в основном носит рекомендательный, предельно корректный, уважительный характер. Часто его замечания касались диалектных поморских слов – иные Маслов «перевел» на литературный русский. С некоторыми исправлениями не соглашался – рядом с одной из правок пометка его рукой: «Оставить так».

Приостановка производства книги произошла сверху. Об этом мурманчан предупреждал в своей рецензии Конецкий: «...Я понимаю трудное положение Издательства (так в оригинале. – Д.К.). Сегодня существует еще порочная практика, по которой автор меньше отвечает за свое произведение, нежели Издатель, т. е. редактор. Еще меньше отвечает рецензент...»

Первоначально издание было перенесено на более поздний срок, а затем и вовсе закрыто. Что произошло? Вот как рассказывает об этом сам Виталий Маслов в книге проповедей и исповедей «На костре моего греха»: «В марте 76-го уходил я в море, измотанный борьбой за первую мою книгу, «Крутую Дресву»... Как в жизни над людьми издавались и издаются, так и над книгой о судьбе этих дорогих мне людей... Два года, как подписан акт одобрения, книге давно пора быть на прилавках, и вдруг (а может, и не вдруг вовсе) такое снова началось. Некая дама в обллите (так в целях конспирации именуется цензура) прочитала и, в пересказе редактора, позвонила в обком некоему Полтеву: «Я читала и ревела. А что, если и другие реветь будут?» А ведь читала-то она не рукопись уже, а книгу, набранную в типографии, – так называемую верстку...»

Как пишет Маслов, сначала обком через издательство потребовал дословно: «Добавить в книгу два рассказа, очень оптимистических, – и правка по устным замечаниям редактора». Автор требования исполнил, о чем вспоминает с нескрываемым сарказмом: «Рассказы, срочно написанные, я добавил: в одном солнце восходит с запада, в другом рождает женщина, которая, по заключению хирурга, никогда не родит. Редактор согласился, что это – «очень оптимистично».

Книга в новой редакции ушла в Москву на повторное рецензирование. Еще одна внутренняя рецензия – известного литературоведа, крупного специалиста по творчеству Горького, профессора МГУ Александра Овчаренко – не без замечаний, но тоже была положительной.

Обеспокоенный Виктор Конецкий писал Маслову 12 февраля 1976 года: «Напиши мне, как дела с книгой. Я подключу Абрамова – он сейчас в зените славы (она, конечно, портит, да и конку-

рентов, как я на твоём примере увидел, он не любит), но все равно, конечно, включится. Подробно и точно опиши весь ход книги...»

Абрамов действительно включился. Не помогло. Не суждено было «Крутой Дресве» увидеть свет – ни тогда, ни позже.

Вот как сам Маслов спустя годы, в конце восьмидесятых, в интервью газете «Книжное обозрение» рассказывал о том, как – до конца, насколько это было возможно, пытался помочь ему Виктор Конецкий:

– В начале 70-х годов я предложил Мурманскому издательству рукопись своей первой книги, был даже договор. А потом началось. Одно требование выполню – другое сразу же выставляется. Пока не понял, что так будет до бесконечности, и не отказался от исправлений... И вдруг, уже в августе 1976 года, когда, казалось, уже все кончено, вызывают меня в обком, извиняются за задержку с выходом книги и обещают, что к моему приходу из очередного рейса, к январю, книга будет на прилавках! Невероятно!.. Потом выяснилось: оказывается, Виктор Конецкий, рецензент, обеспокоенный судьбой рукописи, со всей капитанской решительностью обратился в ЦК, спасибо Виктору Викторовичу. И оттуда – звонок... Потом, к сожалению, разобрались в Мурманске, что это – всего лишь звонок, пугаться не стоило. Книга так и не вышла, осталась верстка...

А злополучная «Свадьба»... Ей выпала, пожалуй, еще более непростая, ломаная, драматичнейшая судьба. Рассказ публиковали несколько раз, в том числе в 1979-м в журнале «Аврора», два года спустя в мурманском сборнике вместе с романом «Круговая порука», в 1983-м в вышедшей в столичном издательстве «Современник» книге «Крень». И всюду – искалеченный цензурой: без смерти Павловской и ее переворачивающего душу письма.

О том, как готовилась публикация в «Авроре», Маслов рассказал в очерке о Федоре Абрамове «Сын земли»: «29 декабря 1978 года получил я верстку «Свадьбы» из «Авроры» – все обрезано! Смерть Павловской острижена, предсмертное письмо – тоже. Послал в «Аврору» отказ: не могу в таком виде печатать. Упрямство мое было вызвано тем, может быть, что я уже отказался печатать рассказ в урезанном виде – и «Северу» отказал, и Мурманскому издательству тоже (хотя была гарантия, что в Мурманском издательстве и в урезанном виде все равно не напечатают). Вдруг 9 января получаю срочную радиogramму от Федора Абрамова: «Дорогой Виталий Семенович очень прошу еще раз подумать и пересмотреть свое отношение публикации рассказа авроре ответ телеграфируйте журналу». А

через какой-то час – еще одна срочная: «Телеграмму послал не я, но я бы советовал еще раз подумать о печатании обнимаю – Федор Абрамов»...

«Свадьбу» в «Авроре» напечатали. Однако в авторской редакции, без цензурных правок рассказ впервые увидел свет лишь в сборнике «Лик суровый» спустя шестнадцать лет после того, как был написан... Поразительная вещь! В Мурманске эта вещь в исконном, первоначальном виде не напечатана до сих пор.

Вот так. Получается, драку за «Крутую Дресву» Маслов и Мурманское книжное издательство проиграли... Внешне это, безусловно, так. Верстка осталась версткой, не стала книгой.

«Только не замучай их!»

Но, как мне представляется, наш случай – из тех, когда за локальным поражением, неосуществленной мечтой о книге стоит великая победа – не материальная, но внутренняя, подлинная победа духа. Масловские твердость и мужество в битве за «Крутую Дресву» вызывают уважение, покоряют. Сломать, подчинить его не удалось – ни кнутом, ни пряником. И в первую очередь потому, что бился он не столько за себя, сколько за земляков своих, за реальную, совсем не книжную Крутую Дресву, за которой явственно ощутима его родная поморская Семжа. Бился до конца...

Еще одна книга, в публикации (уже не в Мурманске – в Москве, в центральном издательстве!), которой уже много позже пытался помочь Виталию Маслову Виктор Конецкий, связана со сборником детских рассказов «Болят ли у рыбы зубы».

Сборник этот небольшой – всего-то восемь рассказов. Точнее – произведений, жанр которых точно определить не так уж легко. Это и пейзажные зарисовки, подчас без какого-либо намека на сюжет, и остроумные байки из жизни моряков-полярников, и поучительные истории, почти притчи. Все – о животных, рыбах и птицах, наблюдать которых автору доводилось в его арктических и антарктических путешествиях. Все небольшие. Иные – на страничку текста, не больше.

Но главное в каждой такой истории, безусловно, люди – то, как они проявляют себя в соседстве с дикой природой, насколько при этом остаются людьми. Да, да, традиционный для русской литературы вопрос выбора между добром и злом, между черным и белым для Маслова и здесь обязателен, неизбежен. К счастью, ему удается показать это противостояние без назидательств и нравочений. Он ни на мгновение не забывает, что пишет для детей.

Книга написана легко, пронизана юмором и теплом. Маслов в ней новый: ироничный, улыбочивый, подчас совсем несерьезный. В его притчах для детей много света и любви – и к морю, и к суровому, но такому нашему Русскому Северу, и к людям, и к животным и птицам, к каждой божьей твари.

Интересно, что судьба этой масловской работы складывалась непросто – первая и единственная ее публикация состоялась в 1978 году в журнале «Север». Книгой тогда она не стала, хотя сам Виктор Конецкий хотел предложить «Болят ли у рыбы зубы» центральному издательству «Детгиз». Вот что писал он Маслову в июле 1977-го:

«Дорогой Виталий! Я к тебе отношусь с особенной симпатией. Потому скажу следующее. Рассказы надо «дожать». Очень много небрежностей.

Я мог бы отдать их в журнал и в издательство. И – уверен – их возьмут. Но ты обязан их еще раз сам перепечатать. Положить слева от машинки и перепечатать все до последней строчки.

Не выдержан стиль. Заваливаешь прилагательными. Нужно подумать о монтаже – какой за каким ставить. Каждый печатай с новой страницы. Часто забываешь, что пишешь ДЕТСКИЕ вещи...

Первые 16 стр. я попробовал редактировать (карандашом, конечно), чтоб ты понял, что и как мне кажется следует сделать.

Только не переусердствуй! Не замучай их! Они должны остаться легкими, импрессионистичными, как бы «набросками», а по сути проштудированными и точными маленькими новеллами...

Сразу телеграфируй мне точный почтовый адрес, по которому выслать тебе рукопись. Посылать на Семжу боюсь. Рукопись в одном экземпляре, и «на деревню дедушке» может затеряться.

У меня период неважный – нервы разболтались и впервые в жизни узнал, что такое повышенное кровяное давление.

Не злись. Рассказы не доведены, и я не хочу показывать тебя в «Детгизе» небрежным автором.

Особенно в начале злоупотребляешь псевдорусским стилем: инверсии – глагол суется на последнее место в предложении и считается, что вот уж и есть «сказочная, истинно русская» интонация. Этим ты сильно грешить начал. Ты: «Как пингины с горы катались». А если проще: «Как пингины катаются с торосов»?

Крепко обнимаю тебя и все твое святое семейство.

Твой Виктор Конецкий».

Письмо очень показательное. И с точки зрения

взаимоотношений автора и адресата, и с позиции литературных требований того времени. Требования – высочайшие, предельные. И вместе с тем теплота, даже нежность порой, стремление спокойно, не обижая товарища и коллегу, обосновать каждое замечание.

Письма Конецкого, с которым Виталий Маслов дружил с конца шестидесятых годов, очень эмоциональные, дружеские, но и не без резкого словца. Конецкий порой по-товарищески строг, даже жесток. Особенно когда речь идет о литературе.

«Где морской роман, сволочь?! Литературу (дурацких) в газеты надо его делать – на 1 000 страниц!» – именно так писал Виктор Викторович в одном из писем Виталию Маслову в мае 1990-го. Это отголосок давнего-давнего их спора-не спора, но определенного непонимания двух друзей и соратников.

Еще в середине 80-х в интервью «Комсомольцу Заполярья» Виктор Викторович, говоря о писателях-мурманчанах, заметил, что особые надежды он связывает с Виталием Масловым. И с некоторым укором к нашему земляку заявил, что, по его мнению, Маслов сейчас занимается «крестьянским бытописанием», а он – Конецкий – ждет от него большой вещи на другую тему – романа о морях атомного ледокольного флота. По мнению Конецкого, Маслов – единственный, кто способен создать подобное произведение, ведь ему – человеку, отработавшему на атомоходе «Ленин» около двадцати лет, атомоходская жизнь ведома изнутри – известны детали и подробности почти интимного свойства.

Оставим на совести Виктора Викторовича пассажи о «крестьянском бытописательстве» – то, о чем писал Маслов всю жизнь, что создало его как писателя, Конецкий, на мой взгляд, определил все же не совсем точно и к тому же по-кавалерийски резко – может быть, намеренно так сделал – чтобы задеть, подхлестнуть товарища. Как бы ни было, нельзя не согласиться с главной его мыслью. Действительно, Маслов – жизненно, судьбой самой был готов к созданию романа об атомном ледокольном флоте.

И он его создал – роман «Искушение», о котором у нас разговор еще впереди.

Кстати, в конце все того же майского письма 1990-го Конецкий неожиданно уходит в сторону от литературных дел, пишет взволнованно о тогдашнем состоянии атомного флота: «И как это а/х до забастовок доехали? Я решил, что без каких-то радиооблучений здесь не обошлось. Смешно было слушать по ТВ, что моряки, мол, на сильные сотрясения жалуются – объяснение для кур и петухов...»

Но вернемся к рукописи книги «Болят ли у рыбы зубы». Учил ли Виталий Маслов замечания, предъявленные Виктором Конечким детскому сборнику? Безусловно! Мэтр в письме упоминает героев одного рассказа, который в окончательную редакцию не вошел. Так что, конечно, учел, но не все. Тот же упрек, высказанный в конце письма, – насчет инверсий, точно нет. Для Маслова инверсия – излюбленный прием, характерная особенность всех его книг, не только детской. Использует он его мастерски – так, что подчас самое причудливое изменение порядка слов в предложении выглядит не просто совершенно уместным, но и помогает нам увидеть персонаж или ситуацию отчетливее, точнее. Это можно почувствовать, кстати, и в конкретном случае с теми самыми пингвинами с гор, о котором пишет Конечкий. На мой взгляд, очевидно, что предложенный мэтром вариант названия рассказа – плоский, казенный, не живой, намного хуже оригинала. Надо сказать, тут Маслов отступать не стал – рассказ «Как пингины с гор катались» открывает книгу, о которой мы ведем речь.

В «Детгизе» в конце семидесятых сделать «Болят ли у рыбы зубы» книгой не получилось. Она вышла лишь тридцать лет спустя. Книга – первая для автора за двадцать последних лет – увидела свет в издательстве «Опимах». В хорошем переплете, на мелованной бумаге, с картинками замечательными, очень красочная и добрая – сама словно праздник!

Обидно, что ни автор – Виталий Семенович Маслов, ни его добрый товарищ, так много сделавший, чтобы сборник появился еще тогда, в семидесятых, Виктор Викторович Конечкий, эту книгу так и не увидели, не могут разделить наш праздник... Но именно они сделали его возможным. Мы об этом помним.

2. Государыня и вертихвостка

Испытание на излом

*На вешалке в передней шубка кунья,
И в комнате, в нелёгкой духоте,
Та женщина – тряпичница и лгунья,
Сидит, поджавши ноги, на тахте.*

*В окне рассвет идёт на смену мраку.
Там голубю привольное житье...
Она должна сейчас поднять в атаку
Всё обаянье юное своё.*

*На блузке брошь с тяжёлою оправой,
И пальцы молодые холодны...
Зачем такой,
Никчёмной и неправой,
Глаза такие гордые даны?*

*За окнами, покинув горстку проса,
Уходит голубь в купол голубой...
Из века в век поэзия и проза
Смертельный бой ведут между собой.*

Вспомнилось (неизбежно) это очень любимое мной классическое стихотворение Евгения Винокурова, когда писал о поэзии и прозе Виталия Маслова. Оно вроде бы не совсем к месту. А по мне, так напротив, очень даже к месту. В общем, получилось нечто вроде эпиграфа.

Как видим, проза очень быстро стала для Маслова главным жанром, стихи любил, до конца жизни любил, но считал их в определенном смысле подготовкой к прозе, чем-то вроде начальной школы, после которой можно и к прозе приступать. Наверное, это объяснимо. Очевидно, что в прозе он достиг высот, к которым в поэзии только подбирался, но... Мне кажется, что и стихи, и проза – части одного целого, прозаические вещи стали продолжением начатого в стихах. Но проза, конечно, выше.

Поэзия и проза. Это вечное противостояние – оно в каждом из нас живет. И я сейчас не только о писателях. И даже не в первую очередь о них. И о них. И о Маслове. Для него приоритет прозы был безусловен, абсолютен. Никогда не забуду, как он, прочитав первый мой рассказ, очень юношеский, очень светлый, без жесткого, четкого сюжета, на одной интонации построенный, сказал – очень убежденно, вкрадчиво, тщательно проговаривая каждое слово:

– Ми-тя! Не пиши больше стихи. Пиши – прозу!

И столько было в сказанном уверенности в собственной правоте, что я даже засомневался тогда в своем поэтическом будущем. С другой стороны, эта уверенность была для Маслова обычна, поэтому я все-таки ему тогда не поверил. А зря...

Но сейчас не об этом. Мы о Маслове, для которого выбор этот – поэзия или проза – был в свое время не менее актуален и важен. Его выбор, в общем, предскажем. Хотя в пятидесятые-шестидесятые, когда все для Маслова-писателя началось, понятное дело, не настолько очевиден, как сейчас. Как бы ни было, его проза изначально была интересней стихотворных опытов, и он это, как мы уже не раз отмечали, понимал.

Но дело, пожалуй, не только в этом. Проза сущностно, бытийственно иная.

Проза пробует тебя на излом, на крепость, на зрелость. До нее нужно дорасти. Она забирает тебя целиком, всего, и ко многому обязывает. А поэзия – совершенный дар божий. И, если этот дар есть, он с тобой всегда и везде, как жизнь, воздух, свободный и легкий, ничего не требующий от тебя взамен. Не ставящий условий.

Проза – требует. И условий у нее, как у доброй жены, в достатке.

Стихи можно писать везде, в любой обстановке – в дороге, на ходу, в автобусах-поездах-самолетах, причем в одиночестве или на публике, если тебя потащила за собой, увлекла вкусная строчка или идея, не слишком важно. Все равно будешь писать. И никто помешать тебе не в силах. Проза – нет. Она в этом смысле большая привереда. Тут обязательно нужен стол, да не просто, а в отдельном помещении, изолированном от людей, от звуков и песен, от всего. И чтобы никто не беспокоил – не входил, не звонил. Причем не час-другой, а часы, дни, недели, а то и месяцы. Потому как сам процесс рождения прозы не одномоментен, он требует времени. Времени и терпения.

Вот как пишет об этом Маслов: «Прозаику, конечно, нужен угол для работы. Судно хорошо для этого.

Но для работы нужно еще и время. Я на судне работал только один раз, в одном рейсе так плодотворно по прозе. Был начальником, потом пришел прежний начальник, Валентин Николаевич, и я попросился во вторые пойти. И мне больше времени. И я написал повесть «Из рук в руки». Некоторые романом называют. То есть мог удалиться и сидеть в каюте безотрывно. Широко не надо. Когда здесь получил квартиру, Валентина Устиновна мне выделила большую комнату – книги куда-то надо девать, а я сел – и не работается, ну никак не работается. Мог написать стихи, статью, письмо, а проза не пишется, потом взял отделил шкафом уголок – точно как каюта – и чувствую себя почти в своей тарелке...»

Виталий Семенович, как всегда, избыточно точен.

Без поэзии в прозе нельзя

Вообще, для меня, если призвать на помощь графику и свет, стихотворение – это маленькая, но яркая вспышка, а проза – это ровная светящаяся линия, луч, уходящий в пространство, длящийся, теплый. Поэзия – обжигает. Проза – греет (иногда, конечно, и обжечь может, но это – редкость, из разряда исключений).

Прозаики и ведут себя в жизни не так, как поэты. В целом, живут иначе, в принципе, иначе. Они да-

же пьют не так, как братья мои стихотворцы. Поэты на водку, как говаривал мне однокашник по Литинституту, тратят все, что есть в карманах, а на остальное покупают закуску. Вот такие душевные пироги. Несколько преувеличил он, конечно, но не так, чтобы очень сильно. Но мы о другом. Прозаики без закуски вообще не пьют. Ну это ладно. Там другое. У прозаиков зачастую не просто закуска, но – хороший стол, «полный салфет», как говаривал другой мой литинститутский приятель.

Но это особенности по большей части технические, внешние. Сущностные гораздо важнее, они-то все, как это водится на белом свете, и определяют.

Проза менее божественна, меньше зависит от сиюминутного вдохновения и пришествия муз, но, вместе с тем, заметно основательней, мощней. Это земля. Земля, на которой можно стоять. Хорошо стоять, крепко. Особенно на такой, как наша. Русской.

Поэзия – воздух. Он порой пленителен, им можно дышать, наслаждаться. Но, сами понимаете, как опору его использовать трудно, дом на воздухе не построишь, да и сам не устоишь.

Прозаику – в большей степени, чем поэту, нужна своя тема, своя земля. Чтоб было на чем стоять. Маслову она вроде бы была дана (дарована!) изначально, по рождению: Поморье, Мезень и Семжа. Все так, конечно. Но не так все просто. Это нам – таким умным и всезнающим, из нашего XXI века все очевидно и безусловно. Думаю, чуть теряясь перед всезнающими, что на рубеже пятидесятих-шестидесятих века минувшего Маслову (еще ни разу не классику, а двадцатипятилетнему моряку и начинающему литератору) не так просто приходилось. У него ведь с 62-го «Ленин» уже был в биографии, и не просто строчка, но – судьба! Сказка, мечта, чудо XX века. «Пиши о ледоколах – и все будет!» – так, думаю, пели ему в уши – и тогда, и позже. Да и время на это указывало. «Пиши, пиши, пиши о ледоколах!» Если, конечно, хочешь быть в чести или, как сейчас говорят, в тренде. Но Маслов искал свой путь, свою колею, и плыл, как водится, не по течению, а поперек – так уж был устроен – устроен родителями, и природой, и Семжей его родимой, словом, всем поморским миром, к которому принадлежал и от которого не желал отказываться. Отказаться от родины – это ж предательство...

Автор – поэт, критик, любой пытающийся писать человек, не нашедший свою землю, не может стать прозаиком. А попытки прозы для любого из тех, кто уже ощутил на себе власть слова, восторг и муку, с ним связанные, неизбежны, естественны. Все пробуют, не у всех выходит. При этом для хорошей прозы, как считал Маслов, необходима хо-

рошая поэтическая школа. «Кто в юности стихов не писал, он же не пишет, а будто лодку по сухому песку за собой тащит...» – так говорил о прозе авторов, которые подобной школы были лишены.

В точку. Без поэзии в прозе ну никак нельзя! Это правда.

Нужно уметь ждать

И снова послушаем самого Маслова: «Востребованность, чувство необходимости того, что пишешь – это прежде всего, для меня, например, было стимулом к работе. Потому что написать все-таки непросто, сами знаете, роман. Но когда говорили, что это каторга и т.д., я говорил: «Ну зачем каторга? Ну брось, да и все. Зачем же быть каторжанином?» Писательство вещь серьезная в психологическом плане. Ведь помните, что Пушкин сказал: «А она-то, графиня, что наделала?» Дать волю, пережить сто судеб в романе – вот когда счастье, когда пишешь, и за это счастье надо платить работой. Это осознанная работа. Потом начнешь переписывать, приводить в систему и т.д., можно и так бросить. Но я, простите, русский писатель. Впереди меня стоят люди, которые, в общем-то, не позволяют мне бросово относиться к слову и т.д. Это серьезная работа. И я отношусь серьезно к слову...»

И еще один важный момент, о котором мы еще не говорили. Проза не терпит суеты, торопливости, спешки. Классическое «можешь не писать – не пиши» – именно об этом. Здесь нужно уметь терпеть, иногда очень важно выждать хотя бы чуть-чуть, не бросаться бешеной кошкой к письменному столу, подумать. Об этом, вспоминая Виталия Маслова, пишет в «Мурманском романе» Виктор Тимофеев:

«Прокрутится Маслов в радиорубке четырёхчасовую вахту – накопится в голове несколько абзацев для рассказа. Не терпится записать.

«Наконец кончилась вахта. Побежал в каюту. Но...

Огляделся: стол грязный... Ну что – помыл, вытер...

И пол протёр.

Литература – чистое дело...

Еще огляделся – постель не собрана. Перестелил – не бичарня же тут! И полотенечко повесил. Чистое. Ещё раз всмотрелся. Вода в графине ржавая. Помыл графин, воду свежую залил...

Ну, сажусь за работу. Нет. Душно. Открыл иллюминатор! Проветрил каюту. Закрыл иллюминатор.

Тут авторучку сбил со стола.

Подбирал авторучку – заметил, что пыль на плитусах.

Протер плитуса! Тут на часы посмотрел – пора

на чай и на вахту. Что ж, пусть рассказ в голове накапливается и уплотняется!»

Так мы услышали от Виталия Семеновича выразительный литературоведческий термин, очень полезный и самый доступный: «протирать плитуса».

«Протирать плитуса» – забота о чистоте физической. И душевной.

«Протирать плитуса» – выжидание подлинного вызова таланта и судьбы.

Маслов умел ждать...»

3. Футшток: поиск героя

«Вешало этакое!»

Вот так. И главный свой жанр, и главную тему он нашел. Но для новой прозы нужен был еще и свой герой. И тут-то все не так просто.

Сколь труден он – поиск героя. Своего! Такого, что дорог тебе безоглядно, близок, как родной человек, пусть не всегда понятен (умом!), но за которого душа болит и радуется, от которого не отвернешься даже и когда совсем он и не прав, и неприятен.

Маслов нашел своего героя не сразу. В первых повестях о Семже, которая чуть позже, в этих же начальных масловских вещах, станет Крутой Дресвой, его еще нет, есть персонажи, но нет Героя.

Митька Футшток! Он впервые появляется в «Свадьбе», написанной в 1971-м, уже после «Зыряновой бумаги» и «Никола Поморского», в шаге от «Восьминки», которая появится три года спустя. Маслов уже зрелый писатель, причем писатель, вошедший в литературу со своей темой и собственным языком.

В «Свадьбе» о Митьке буквально два слова, два абзаца – не больше, но характер уже очерчен, определен: «...Двухметровый Митька Футшток. Прислонился к печке – локоть на лежанку. Через плечо – пиджак, поджатый к груди подбородком. Надул губы, исподлобья глядит...» И еще одна деталь: «Из молодых Митька дольше всех сумел прожить в Крутой Дресве и дольше всех имел тут работу...» Сколь она важна, эта подробность, узнаем позже.

Полновесный, законченный образ героя, с которым нам еще не раз предстоит встретиться на страницах масловских книг, находим в рассказе, написанном три года спустя, – «Сняжки Митьки Футштока». Вот здесь все есть – и выверты его, футштоковские, и думы о Крутой Дресве, и мечта о ней – новой, ожившей, возрожденной. И ответ на вопрос, который в рассказе задает Дмитрию мать: «Смириться не надо ли? Не будет Дресвы – расходов меньше. Все равно и Дресва, и Поморье, осо-

бенно здешняя часть, – только задворки, старые да непотребные». И ответ на него – жесткий и прямой. Смириться с тем, что «на месте Крутой Дресвы пустошь будет», а это и сам Футшок прекрасно понимает, для него все равно что от родины отказать – родных могил, отцовского дома. Без Дресвы, наверно, дешевле и проще. Но, как пишет Маслов, «не все можно деревянным метром измерить». Не все. Не все. И где уж тут смириться – не по-футштоковски это, да и не по-масловски. Оба – несмиранные. Живые.

В «Синяках...» находим и объяснение прозвища героя – футшок. Чрезвычайно характерный, показательный момент: не каждый – даже из тех, кто Маслова читал изрядно и не раз, с ходу, не задумываясь, вспомнит настоящие имя и фамилию Митьки-Футшока. Футшок он и есть Футшок, а то, что он еще Дмитрий Воронин – это дело второе. Футшок! Жердь такая длинная, которой глубину моряки измеряют. Как говорит одна из масловских старух: «И за что оно тебя так – футшком? Ведь полосатой-то той палкой глубины меряют, а не версты. Вот верста – было бы по тебе, который уже год ты их от столба к столбу топчешь. Ну да не сердись на старуху! Футшок так и футшок. Ладно, что не столб...» И мы не будем сердиться, а порадуемся, что все-таки Футшок. Сколь о многом говорящее прозвище. Вроде бы – от внешнего признака плясали «называтели», двухметровый же – всем заметный, но не только. Для Маслова Футшок – некоторым образом система координат, по которой он людей определяет. Ежели соответствует, прошел проверку Футшковым, значит, не подведет, свой.

Дальше – «Круговая порука», наверно, лучший масловский роман. Вот тут-то Футшок явлен нам всерьез – во всю ширь. С него все и начинается. Да как! «Митька Футшок за столом сидел». Обычное для Маслова дело – инверсия – изменение порядка слов в предложении, причем в самой излюбленной мастером вариации, когда глагол завершает фразу. Сколько ругали за это Маслова, и подчас обоснованно ругали. Но здесь-то, здесь такой порядок слов рождает не только интонацию, но являет нам человека, пусть пока в небольшой, но значимой степени, приоткрывает нам характер героя, которого нам еще предстоит узнать. «За столом сидел» – это вам не просто «сидел» – так, с боку припека, а как хозяин, мощно и вольготно.

«До чего здоров – вешало этакое!..» – как хорошо, любовно сказано опять же одной из масловских старух.

Сходства и различия с творцом

Вечный вопрос – насколько человечески, жизненно герой тождествен самому автору, он и здесь любопытен и заслуживает подробного разговора.

Вот что думает об этом брат писателя – Сергей Семенович Маслов: «Да прототип-то вроде бы есть. В Сояне, соянский то есть парень. И чудил так же, и все вроде бы так, но характером другой, характер Виталий с себя срисовывал...» «С себя срисовывал...» Так ли?

Я бы все же определил иначе. Жизненные установки Футшока – ими руководствовался и Маслов – последовательно, убежденно и яростно. А главная из них, конечно, любовь к Родине, родному краю, готовность к самопожертвованию ради него. Как и происходит, скажем, в «Круговой поруке», когда Дмитрий, отстаивая родное, совершает преступление и на десять долгих лет оказывается за решеткой. Второй момент, отличающий обоих – и автора, и его героя – «страшное, жесткое семя всеохватной ответственности за все!». «Страшное, жесткое семя» – так в повести «Проклятой памяти» определяет это чувство один из учеников Футшока – Герман – Косой.

Ох уж эта «всеохватная ответственность за все»... Вспомните фразу Марии Павловской из «Свадьбы», обращенную к дресвянам, обсуждающим, как спасти гибнущую родную деревню: «Без вас знают, что лучше и что выгоднее. И решат, как кому жить!» Тезис, с которым люди, подобные Маслову и Футшоку, люди той самой «всеохватной ответственности», не сказать, что борются, они его попросту не замечают. Тезис винтика, от которого ничего не зависит... Фразочкой этой удобной, как щитом, можно укрыться – все объяснить, многое оправдать. Но мы – не винтики, мы – живые люди, а потому в силах изменять жизнь не потому, что этого кому-то захотелось сверху, а потому, что иначе – смерть. И от нас, от каждого из нас, а не от неведомых больших людей в высоких кабинетах – мурманских, архангельских, московских, зависит: выживем ли и в этой борьбе за жизнь сохраним ли себя и Родину – внутренне, сущностно.

А вот что думает сын писателя – Олег Маслов:

– Мне очень нравятся действующие герои. Они же действуют! Не разговаривают – действуют! По эмоциональному накалу, по идеям, что содержит текст, отец, с моей точки зрения, близок Достоевскому. Я не сравниваю, я говорю о традиции. Он писал это в обществе, где никто ничего не хотел делать, что его и погубило, в конце концов. Что касается Футшока, то это – модель. Провоцирующая

модель. Она существует, чтобы разбудить окружающих. Для Творца отец – такая же модель. Отец делает с Футштоком то, что с ним делал Господь.

Вот так – довольно неожиданно...

Но, по сути, герой – всегда «модель», некий образец, но не плакатный, а живой и грешный. Вопрос, «с кого», как говаривал пролетарский классик, «делать жизнь», – вечен. Любому обществу нужны герои – насущно, жизненно необходимы, русский мир – не исключение. Футштоки нужны всегда. Особенно – сегодня.

Маслов и Футшток. Футшток и Маслов. В главном они, конечно, сходятся. Тут разве поспоришь? Конечно, и тот, и другой – люди действия, люди, заряженные на поступок, внутренне готовые к нему.

Но и разница не просто значительна, а велика. Пропасть между ними. И расходятся они, как ни парадоксально звучит, опять-таки, в главном – в этом самом действии, и в характере, направленности поступков, которые совершают.

Действие Футштока всегда конкретно, часто это предмет чистой механики (в диковинной смеси порой – со шкодливостью и молодецким удалством, как в случае с кишкой на лопате, порой – с трагизмом и болью за родную землю, и – преступлением, как в случае с убийством браконьера), его можно увидеть. Оно протекает в одной плоскости, лишено объема. Хотя почти всегда вызывает симпатию и желание подражать.

Действие Маслова могло быть и столь же конкретно, и, как бывает у очень немногих людей, сопряжено с принципиально иным качеством, иными задачами – на первый взгляд, неосуществимыми, фантастическими, вроде создания Союза славянских государств. И еще одно важное отличие: его действие, его дело неизменно подкрепляло слово. Слово и дело – они существовали в его жизни неразрывно, укрепляя друг друга. Футшток, если помните, не горазд был говорить. А для решения масштабных, в том числе мировоззренческих задач слово (не пустое, а рядом с настоящим, живым делом стоящее) необходимо непременно – как без него? Тут одной стрельбой по губителям природы да кишками на лопате ничего не решишь.

И как тут не согласиться с Олегом Масловым: да не себя, конечно, писал Виталий Семенович. Обычный, заурядный человек, обыватель, в самом лучшем смысле этого опошленного слова, понимает и откликается именно на прямое, конкретное действие – то самое, которое не только увидеть можно, но испытать подчас – на собственной шкуре. Подлинный герой всегда

прост до безобразия и столь же бесшабашен и горазд на всяческие шутки-фортели, как и Футшток. Он у всех на слуху и даже в грехах своих близок и понятен толпе, любим ею за это – драки, неумное ухажерство, женщин, далеких и близких, кишки на лопате опять же. Любим за то, что он – один из многих, такой же, как мы, повторяю, близок, понятен. Мечты о чем-то большем – не для него. Не случайно ведь в «Проклятой памяти» не Футшток создает Дом Памяти, а другой человек. Дом Памяти его потрясает, трогает до глубины души, но не может стать для Митьки целью. Он, как мы убедились, персонаж прямого действия, очевидного, рядом стоящего. Создатель Дома Памяти – человек, мыслящий объемно, взгляд его на жизнь связывает прошлое и настоящее с беспрестанной думой о будущем. Мыслит он не на один, но на несколько ходов вперед. Футшток иной, иной...

А может, и надо было – тронуть!

За Футштока «Круговой поруки» автору крепко досталось на одном из писательских совещаний от друга и коллеги, прозаика, которого высококобые и склонные к упрощению всего и вся литературоведы тоже записывают в стан деревенской прозы, Василия Белова. Вот что читаем в отчете о том совещании: «Белов заострил внимание на нравственных просчетах произведения Виталия Маслова «Круговая порука». У героя этого романа Митьки Футштока, по его мнению, облегченное отношение к убийству человека... Поскольку автор явно симпатизирует Митьке и спокойно повествует об этом, можно предположить, что в нем самом нравственные позиции героя активного протеста не вызывают...» (Белов, кстати, там в то же время и вступился за давнего товарища! Вновь, как это не раз бывало и прежде, Маслова принялись метелить за диалектизмы, за стилизацию родного для писателя языка, знаменитой поморской говори. А Белов – не дал, отметив, что «опасность стилизации не так велика для нашей литературы, как опасность оскудения языка». Надо сказать, дружили они крепко с Виталием Масловым – много лет, переписывались. Их роднила в первую очередь тема – Родина, и большая, и малая, со всеми их проблемами и тягостями. Вот это, пожалуй, отличало обоих, да и всех прозаиков их круга – обостренное чувство Родины и отчетливое понимание того, что увядание отечественной культуры, в целом России, напрямую связано с целенаправленным уничтожением деревни, которая всегда была основой нашего миропонимания, фундаментом русского бытия.

Об этом весь крутодресвянский цикл Маслова. Об этом – очень многое у Белова – начиная с того же «Привычного дела» и заканчивая многочисленными рассказами.)

Очень точную характеристику главному герою крутодресвянского цикла дал в свое время критик Юрий Дюжев, сравнивая Митьку с другим персонажем «Круговой поруки» – председателем колхоза Шестьденьговой Щельи Николаем Фокиным: «...В отличие от действующего продуманно, рационально председателя колхоза, молодой парень то ли по причине недостаточного житейского опыта, то ли в силу особенностей характера не может «выстроить» свое поведение так, чтобы все его поступки были строго подчинены, как у Фокина, одной генеральной идее. Он слишком уж подвержен эмоциям, нетерпелив, часто «отпускает тормоза» и тогда уже не в состоянии контролировать свои действия и очертя голову идет на конфликт со «всем миром», вызывает очередную волну шумных деревенских пересудов, а потом наступает горькое похмелье, и парень до одури, до самогипноза погружается в чтение книг, философствует в одиночестве на своем чердаке, ловит издали взгляды юной фельдшерницы Валюхи и мечтает о чистой, возвышенной любви...». Характеристика, как видим, ироничная, да и сравнение Митьки с Фокиным явно не в пользу первого. Однако здесь речь идет целиком о Митьке из «Круговой поруки» – Митьке, еще не отведавшем вдовость тюремных нар, еще не ставшем отцом, еще не пережившем долгую, десятилетнюю, разлуку с родным краем и родными людьми.

В «Проклятой памяти» Воронин – другой. Это отменяли и критики. Как пишет Татьяна Рябинина, «в Шестьденьговую Щелью отсидевший срок Футшок возвращается другим, изжившим языческую импульсивность и жестокость», становится «христианином по мироощущению».

Все же сводить все к противостоянию в Футштоке христианского и языческого, естественного для русского мира противостоянию я бы не стал. Он стал старше, осмотрительней, больше думает, больше говорит, меньше действует – в чем его, кстати, упрекает Герман. Единственный, пожалуй, случай, когда просыпается в нем Футшок «Круговой поруки» – эпизод с Ажгибковым в гостинице, когда в ответ на высказанные соседом мерзости о Текусе Митька не раздумывая с маху хлещет того по морде.

Вот это – Футшок!

Да, он спасает Германа от греха убийства – не дает тому выстрелить в вертолет, в котором улетают с Шестьденьговки браконьеры. Да, больше и шире, глубже думает и говорит о жизни.

Нужен ли деревне такой Футшок? Очень верный риторический вопрос задает Рябинина. Очевидно, что не нужен. Но не потому, что деревня продолжает прозябать в язычестве и внутренне Митька стал для нее чужим. Не потому. В стране идет война – это Маслов нам убедительно доказал своим крутодресвянским циклом. Спасать нужно страну! Рассудочный, порой почти старчески многословный, скучный Футшок способен ли на это? Говорлив он в «Проклятой памяти» не в меру. И слова-то правильные, но иногда – нужны ли они, все и так ясно, а он – говорит, говорит, словно оправдывается непрестанно перед кем-то. Много слов, слишком много... В ущерб тому самому, порой неожиданному, бесшабашному прямому действию. Как справедливо замечает Текуса:

«– От тебя, Митя, везде – одна беда...»

– Но я даже не подошел к Вале, – склонив голову, ответил Дмитрий. – Не тронул. Как она хотела, так и делал.

– Тебе ли говорить, тебе ли не понять! А может, это и надо было – тронуть! И жива была бы!»

Да нужен Футшок родной поморской вселенной, конечно, нужен. Да, если говорить о далекой перспективе, о будущем, то оно вроде бы ясно – отстоят Воронин и Фокин Щелью, отстоят. Но самые близкие для него люди – Герман, Валя Опарина – мертвы, Горя уезжает в Мурманск. А сам-то Футшок – жив ли? Будущий председатель колхоза Дмитрий Воронин – да, жив, а вот Футшок... Есть председатель, нет героя. И для будущего деревни это, должно быть, хорошо. Но не для романа. Вот вам и «конец крутодресвянской сказки».

СКРЫТАЯ АНТИСОВЕТЧИНА

1. «Внутренний рынок»: книга предсказаний

Роман за скобками

Роман этот хоть и часть крутодресвянского цикла, но словно бы за скобками, чуть в стороне. Действие его происходит не в Крутой Дресве и не в Шестьденьговой Щелье. Среди героев нет и Митьки-Футшока. И понятно почему – на дворе восемьдесят третий год, посаженный в 75-м Воронин все еще отбывает свой десятилетний срок.

«Внутренний рынок» – роман производственный, но накрепко связанный с проблемами северной деревни, всего Поморья. И – всей тогдашней, пока еще Советской, России. Книга при внешней простоте и последовательной привер-

женности соцреализму абсолютно провидческая.

Не верите? Тогда вместе пройдем по его страницам, сквозь весь этот неподъемный современному читателю многостраничный фолиант. Он, несмотря на все недостатки, того стоит, уверяю вас.

Роман этот – о проблемах небольшого лесопильного завода – в Краснощелье, на великой Кокуре-реке. Производят знаменитую доску, которую у краснощельцев с радостью покупают купцы с иностранных кораблей. Пятьдесят лет производили они ее на экспорт – из поколения в поколение. И вдруг встает главный цех предприятия – лесопильный. Причем останавливает его одна из работниц предприятия – Евстолия Селиверстова. Почему? «Или прекращайте пилить разнопородицу, или останавливайте совсем!.. Долго еще будет такое вредительство?.. Неужели не стыдно?! Видите же, что доски – сосна и ель – вместе лежат, товар от этого портится, синь по доскам даже сейчас! А к весне что с ними будет? На внутренний рынок?!»

Этот конфликт – технологические нарушения, снижение производительности и доходности производства – вроде бы основной в книге, именно он связывает все сюжетные линии воедино. С одной стороны, махнувший на все рукой директор Петелин, схожий с ним бывший главный инженер Еремин, с другой – главный инженер (не бывший, а нынешний) Ажгибков. И – люди, для которых многие десятилетия завод был всем: Кирилл Максимович Шестаков и другие.

При этом замечу, традиционно для русской литературы, да и для лучших образцов литературы советской в центре повествования не только и не столько производства, но – люди, связанные с заводом лишь опосредованно – через семью, через родную землю.

Это, в первую очередь, двое друзей – Алешка Селиверстов и Олег Шестаков. Алеша – из Фатькова Печища, умирающей поморской деревни. Крутая Дресва, то есть масловская Семжа, в этом цикле явлена нам под разными именами. Фатьково Печище – еще одно имя Семжи.

Олег – представитель старой краснощельской династии: дед, Кирилл Максимович, бывший моряк-балтиец, строил здешний лесопильный завод, мать там работает всю жизнь. Вернулся в Краснощелье, выучившись в Питере, и отец Олега – Окреций.

Вот ребятам-то, Алеше и Олегу, посвящены лучшие страницы «Внутреннего рынка».

Но сначала – о недостатках романа, главных его недостатках. «Внутренний рынок», как мне представляется, самый неудачный из всех масловских. Неудачный именно как роман, как законченное произведение. Все правильно, все сложено точно,

с присущим сложившемуся мастеру искусством, и, как отмечали критики, «сила художественного обобщения и глубина поставленных проблем» – на высоте, но воспринимать этот огромный текст порой трудно – даже подготовленному читателю.

А Митька-то в тюрьме!

Чрезмерная детализация, проговаривание едва ли не каждой технической операции по лесоразделке в подробностях. Конечно, есть вещи в лесоразделке, которые, коль уж взялся за такой роман, объяснять необходимо, но не все и не всегда. Иные детали – просто лишние, не влияющие ни на действие, происходящее в романе, ни на то, насколько мы понимаем поступки, логику героев. Ну зачем читателю знать, какой должна быть высота штабелей досок при складировании? Или, к примеру, то, что такое беспрокладочная выкатка? Или то, какие краны нужно ставить между элеватором и волокушами?

Текст такая предельная детализация утяжеляет, занозит, делает порой непроходимым. Страница за страницей – словно доски необработанные – тяжелые, неподъемные. Иногда так и хочется заметить автору – ну ведь не железки нам важны и точное описание технологической цепочки, рождающей знаменитую кокурскую доску! Люди нам важны, их взаимоотношения, их нравственный выбор, их способность в самых жестких ситуациях оставаться людьми. Когда забывает Маслов про железки и пишет про людей, получается настоящая проза – знаковый почерк, выверенный масловский стиль.

А речь персонажей?!.. Неестественно длинные, попросту длиннющие монологи, когда тирада того или иного действующего лица оказывается размером со страницу, а то и полторы – таковы филиппики Агии Шестаковой в сцене заводского собрания или Окреция Шестакова в словесных стычках его с отцом. И это – в общем, подчас чрезвычайно остро и характерно. Ну не бывает так! Не говорят так люди... Даже в восьмидесятые, не столь резкие, годы не говорили. В русском споре, в живой, искрометной словесной «зарубе» люди говорят коротко, но жестко. Пять фраз – уже много, десять – непозволительная роскошь. Так-то разглагольствовать хочешь – так ведь не даст никто, горластых да наглых у нас всегда в достатке. Да и само дыхание спора оно ведь иное, в режиме вопрос – ответ, это ж не лекция.

Еще один важный момент, отличающий «Внутренний рынок» от других произведений крутодресвянского цикла и, как мне видится, снижа-

ющий его художественный уровень, его звучание, – отсутствие главного героя. Митька-то в тюрьме! А равного ему в Краснощелье не находится. Показательный, кстати, момент: главные действующие лица романа – старики и дети. Так, как будто где-то далеко идет война и все мужчины – на фронте. Задумаешься... На первый взгляд – полная нелепость, а по сути, суцая правда. Война идет! Неслучайна и нескончаемая скорбная череда смертей, и слова, и понятия, которые то и дело встречаем в романе, они – будто из фронтовых сводок. «За наше предательство, твое и мое».

И все же, несмотря на все недостатки, Маслов остается Масловым. «Внутренний рынок» сделан мастером – умелым, прекрасным писателем. Страниц, да где там, – глав (!), которые читаешь на одном дыхании, которые пронзают насквозь, заставляют сопереживать героям, здесь более чем в достатке, да и поэзии немало. Как я уже отмечал, как правило, поэзия начинается, когда автор рассказывает о самых младших персонажах романа – Алешке Селиверстове и Олеге Шестакове, о любимом их месте в Краснощелье, на угоре, над Кокурой-рекой. Дивное какое описание солнца – первого после полярной ночи, а потом уже мартовского, не менее радостного: «...светит оно теперь не снизу, как в январе, а с высоты поднебесной падает и погружается в густо переплетенные заснеженные ветки, будто в реку. И сердце замирает, и березы и дымы над крышами замирают, а сам воздух – морозный, бездонный, пронизанный золотом, напряженный, зазвенеть готов...»

А эта страшная концовка главы о Ягнетеве, о «жутком тепле» чужого дома – избы его собутыльника. Мысли пьяницы, у которого нет уже связи с родным краем, нет ни дома, ни семьи, ни работы, мысли о том, что скорое «последнее тепло для него в мире останется – тепло полуночного блика посреди крошечной предзимней Кокуры... Тепло голубоватой точки, мерцающей – в ночи же! – над заснеженным ельником. Тепло, растворенное в холодном стакане сладковатого пойла... Жуткое тепло в нетопленном доме Баяниста».

Душа гниет

... Один из литературоведов в начале девяностых отмечал, размышляя о «Внутреннем рынке», что «растущее самосознание рабочих, медленный, но неотвратимый процесс развития социальной активности народа создают ощущение исторической перспективы, надвигающихся благоприятных перемен...». Мне же, напротив, представляется, что роман, несмотря на все не-

достатки, ценен именно острым ощущением надвигающейся беды, очертания, симптомы которой Маслов определяет провидчески точно.

Умирание завода, обусловленное не только местными причинами, но в гораздо большей степени внешними, тем, что областные власти не считают предприятие перспективным. А за этим умиранием, не побоюсь этого слова, смерть всей России таится. И так, в сущности, и случилось – через десяток лет, когда заводы, подобные краснощельскому, попросту не смогли выжить в ситуации смертельной для производства всей страны, особенно – небольших предприятий, не сырьем торгующих, но – качественным, проверенным временем продуктом.

Маслов определяет целый комплекс изменений, происшедших с населением Поморья в 60-70-80-е годы, изменений разрушительных, гибельных. И самый страшный здесь разрушитель, главный, безжалостный убийца – пьянство. В романе, кажется, не пьют только дети. И это среди поморов-то, частью – старообрядцев, где до революции не пили вообще! А на страницах «Внутреннего рынка» не выпивка, но пьянство уже перестает кого бы то ни было удивлять, этого уже даже не стыдятся, – пьют открыто, не стесняясь, даже на рабочем месте, как в эпизоде с остановкой завода и общим собранием. Как писал Маслов об этом позже, в «На костре моего греха»: «А если роман – об этом? Как спасти человека, не доведя его до предела, до грани, не обнажив пропасть, над которой занесена нога?» И как он ответил редактору романа: «Пьянка в романе одна – сплошная». А редактор-то был ни много ни мало Сергей Куняев, сын поэта Станислава Куняева, литературовед, автор многих замечательных книг о русских поэтах. Маслов о нем пишет с восторгом: «Прекрасный оказался редактор, согласился: пусть цензоры и критики зашорятся на излишнем пьянстве, будем уступать. Лишь бы большего не заметили...» А «большее», замечу я вам, было. Ой, было!

Но – закончим с пьянством.

Мы только теперь понимаем – то, о чем писал Маслов, это еще цветочки, ягодки увидим в девяностые, когда даже описанная им пьяная смерть перестанет удивлять, станет едва ли не обыденностью. Эка невидаль – пьяный замерз на улице!.. В девяностые это стало общим местом. А в начале восьмидесятых эта смерть потрясла поселок, явилась страшным, ужаснувшим многих событием.

Тогда, в восьмидесятые, казалось, что фраза одной из малоприятных героинь романа – недалекой Каблуковой: «Кто не идет в комсомол, тот, в конце концов, не минует выпрезвителя!», нелепость, боль-

ше говорящая о самой Каблуковой, скажем прямо, не слишком умном и приятном персонаже, чем об эпохе. Сейчас так не кажется. Не стало в 90-е комсомола, по сию пору нет организации, которая отвечала бы в России за воспитание молодежи.

Итог – плачевный, ибо природа пустоты не терпит. Брошенная государством молодежь ушла на улицу, ушла в подвалы, все ниже и ниже. Ныне и пьянство – не самая страшная беда, нашлись враги пострашнее: наркомания, проституция, в том числе и детская.

Конечно, не один Маслов об этом говорил – да нет, кричал! Вспомнить можно и «Чем живем, кормимся» столь любимого Масловым Федора Абрамова, но это все же публицистика. Вспомнить хотя бы «Пожар» Валентина Распутина – там-то как раз речь о состоянии общества, которое Маслов определяет предельно резко, без экивоков: «Душа гниет!» Но у Распутина все же слишком много места занимают «познавшие режимную жизнь» «архаровцы» – люди пришлые, не свои той земле, на которой оказались волею собственной непутевости. А у Маслова-то никаких пришлых. Все – свои. А вот словно чужие...

Вспомним и Василия Белова, с которым Маслов был дружен всю жизнь. Как писал Василий Иванович в рассказе «Бобришный угор» – чудесном, полном света Родины и горечи об утраченном (главный герой там, хоть автор его и не называет, поэт Александр Яшин, о доме которого и идет речь в этой вещи): «Тиль Уленшпигель на всю Фландрию вопил о пепле Клааса. И гезы собирались на этот призыв со всей Фландрии. Мне же вопить не позволяет совесть, хотя и в мое сердце стучит пепел: на наших глазах, быстро, один за другим потухают костры нашей деревенской родины – истоки всего...»

Лишнее доказательство тьмы, нависшей над Родиной, в восьмидесятые еще не столь явной и зловещей, – оскверненный храм в родной для Белова Тимонихе, который был отреставрирован на его деньги. И сделали это не иноземцы, явившиеся на Вологодчину из-за тридцати земель, но те, кто там живет сегодня. Назвать их земляками автора «Привычного дела» я не решусь...

«Ничего не спешите выкидывать!»

«Душа гниет!» – это верно. Но почему, что произошло с людьми? Причины болезни указывает нам сам писатель. Главная – потеря нравственных ориентиров. Об этом с горечью, с болью искренней говорит Окрецию Шестакову учитель Дружников, сетуя, что выпускникам ему сказать перед

прощанием нечего: «Им обязательно нужна положительная программа, а с ней у меня у самого – как видишь...» Однако слова нужные он для ребят находит: «Главная забота – отстаивать право на само наше существование. На само право называться русскими... Ничего не спешите выкидывать, ничего! Что бы вас ни волновало – наука, промышленность, земля – все это должно быть прежде всего окрашено главной мыслью – мыслью о существовании и счастье Родины. Без этого нельзя быть счастливыми... Без Родины – нет в человеке главного...»

Насколько правильно определил суть проблемы учитель, мы прекрасно понимаем сегодня. Просто не в бровь, а в глаз определил! Слово «русский» у нас ведь долгое время едва ли не под запретом было. Все время словно обидеть кого-то боялись – и в советские годы, и в первое постсоветское десятилетие. Но можно ли этим обидеть? Даже тех россиян, кто по крови не русские, но уже стали Россией? Обидятся лишь те, кому наша земля нужна лишь для личного благополучия и обогащения. А о таких стоит ли жалеть?

Однако вышло так, что та борьба, о которой Маслов с помощью своего героя говорит нам из 1983-го, окончилась спустя тридцать лет. В полной мере слово «русский» вернул в политический и иной лексикон Владимир Путин, использовавший его в обращении к Федеральному собранию по поводу возвращения домой Крыма многократно – бесчисленное количество раз.

А вот это: «Понять хочу, откуда явилось нынешнее пренебрежение ко всякому производительному труду?» – не вчера ли написано? Сейчас как-то полегче стало, а в девяностые что-то делать собственными руками, производить хотя бы малое, слесарить или плотничать едва ли не зазорным считалось, занятием для дураков и лузеров, все, как под откос, ушли в «куплю-продажу». Результат? Совершенно закономерный. Попробуйте-ка сейчас классного плотника найти. Не сыщешь! Мы тогда напрочь забыли про гордость рабочего человека, унизили его всячески, сравняли с землей. Горько было смотреть в ту пору, как в старом советском фильме о семье корабельщиков младший Журбин – Алексей Баталов – с великим достоинством и сознанием высоты этого звания говорит: «Я – рабочий человек!» И об этой нашей нынешней беде Маслов загодя, предвидя, к чему мы придем спустя годы, предупредил о ней, моля прислушаться.

Вообще, читаешь иные эпизоды «Внутреннего рынка» и удивляешься: как это цензура-то пропустила, для тех лет порой удивительно смело пишет Маслов! Как говорит сыну старший Шеста-

ков: «Типичная скрытая антисоветчина!» Правильно говорит. Его сын – почти спившийся, но не бросивший думать Окреций Шестаков вещи говорит для того времени странные, запретные, за которые можно и по шапке получить: «Родина для меня – все-таки не социализм, а Россия!» Для меня, скажем, тоже. Но я это говорю сейчас, Маслов об этом говорил в начале восьмидесятых. Для тех лет думать и писать такое... Немалое нужно было мужество.

А вот этот фрагмент из безмерно длинного обращения Окреция к отцу – о гибели малой родины: «Не кажется тебе, что и наш слой, краснощельский..., может оказаться не последним, что придет черед следующему? И так – все выше и выше, как в песне, и в конце концов сама Москва окажется анахронизмом? И на ее месте, на месте нашей Москвы, – тоже дубье вырастет!» А замечание, будто мимоходом брошенное, уже авторское: «За оркестрами да громкоговорителями не отвыкнуть бы человека слышать». Да уж... Нечего говорить, антисоветчина. Чистой воды. Это, впрочем, и для нас сегодня актуально. Пожалуй, даже в большей степени, чем когда-либо. У нас-то не громкоговорители услышать рядом стоящего, порой очень близкого человека мешают. Технологии, чтоб их! Когда железяка какая-нибудь по кличке гаджет – лучший друг и учитель на веки вечные, выше папы, мамы и городского начальника...

Но вернемся к «Внутреннему рынку». Финал романа трагический – две смерти в один день в семье Селиверстовых: умирает бабушка Клавдия

Ананьевна и погибает Стас – старший брат Алешки, погибает нелепо, во время чумного «пира» – гонок на катерах... Стас гибнет по все той же причине, что и друг его, Енька Ягнетев. Пьяный. Был бы не пьяный – выплыл бы.

И уходит от Еремина Олег – вообще уходит, не только от отчима, а, видимо, вовсе уходит, отказывается от родного села. А у Агнии, матери Олега, выкидыш. Так что, по сути, три смерти. ...И долго плачет на кухне у Ереминых рыжая пышноволосая акушерка – еще один несчастный человек, жена карьериста Ажгибкова.

Блеснувший на краткий миг в концовке лучик света – заявление о приеме на работу на завод двух Ереминых – Петра Владимировича и его вернувшегося после учебы в Архангельске сына – вроде бы должен обнадеживать. Заявление старшего Еремина скорее предостерегает, чем дает надежду: «Прошу срочно ходатайствовать о моем возвращении на должность главного инженера. Пока живы».

Это ереминское «пока живы» – тягостное страшное предчувствие новых бед, которые еще предстоит пережить, предчувствие страшного нового времени, которым проникнут весь роман и в которое выстоять, выжить, сохранив себя и родную страну, будет намного сложнее.

Окончание в следующем номере

Дмитрий КОРЖОВ –

поэт, прозаик, литературный критик.

Родился в 1971 году в Перми.

Окончил Литературный институт им. А. М. Горького.

Член Союза писателей России.

Стихи и проза публиковались в альманахе «Братина» (Москва),

в журналах «Север», «Московский вестник»,

«Роман-газета XXI век», «Аврора»,

«Десна» (Брянск), «Странник» (Саранск).

Автор пяти книг стихотворений.

Участник 5-го форума молодых писателей России

в подмосковных Липках.

Живет и работает в Мурманске.

